

**ББК 63.3(0)31
А 90**

**А 90 Ассириология и египтология. Сборник статей / Ответ-
ственный редактор Н.В. Козырева. СПб: «Скифия»,
2004. 248 с.
ISBN 5-98620-006-3**

ББК 63.3(0)31

ISBN 5-98620-006-3

© Авторы публикаций, 2004.
© Н. В. Козырева, отв. ред., 2004.
© «Скифия», 2004.

Н. В. Козырева

Шумер и Аккад — две модели архаических обществ

НЕМНОГИМ БОЛЕЕ ста лет назад творцами месопотамской цивилизации считались аккадцы (вавилоняне и ассирийцы), а о шумерах вообще не было известно. Шумер как страна и шумеры как народ не оставили никаких заметных следов в той исторической литературе, которая была доступна энтузиастам и ученым, начавшим в середине XIX в. раскопки в Месопотамии в поисках дворцов ассирийских и вавилонских царей, упоминавшихся в Библии.

Еще в 1852 г. Э. Хинкс предположил, что клинопись имела несемитское происхождение, судя по непригодности этой системы письма к передаче семитского языка. Это предположение подтвердилось через несколько лет, когда среди ассирийских табличек, найденных

Г. Раулинсоном в Ниневии, оказались двуязычные тексты (билингвы), где параллельно тексту на уже достаточно хорошо дешифрованном аккадском языке шел текст на языке, совершенно неизвестном науке. Далеко не сразу удалось определить, как следует называть вновь открытый язык и какому народу он принадлежал¹.

Термин «шумерский» впервые был предложен Ю. Оппертом еще в 1869 г., но окончательно его правильность была доказана им же в 1889 г., после чего понятия Шумер и шумеры/шумерийцы окончательно вошли в научный обиход (Соорег 1993). Конец 80-х годов прошлого века можно считать началом зарождения новой отрасли гуманитарного знания — шумерологии, одной из самых молодых ветвей науки о Древнем Востоке.

Появление шумеров как древнейшего населения Месопотамии, строителей первых городов и создателей письменности в корне меняло установившиеся к тому времени представления о древней истории Месопотамии. Цивилизация Месопотамии, которую ранее рассматривали как воплощение духовной и практической деятельности единого (аккадского) этноса, предстала как результат симбиоза двух совершенно разных по языку этнических групп.

Сами понятия Шумер и шумеры, как только они появились в исторической науке, стали предметами ожесточенных споров, отражавших не столько столкновение мнений, сколько столкновение разных идеологических позиций. Особенно острым стал вопрос о приоритетах, о роли каждого из этносов в создании цивилиза-

ции, о характере их взаимодействия: было ли оно мирным или существовали конфликты. Это и неудивительно, учитывая, что вопрос о взаимодействии и сосуществовании разных этнических групп был большим вопросом для Европы, по крайней мере, со второй половины XIX в.

В последней четверти XIX века велись оживленные, иногда даже весьма ожесточенные дебаты относительно того, существовали ли шумеры вообще. Большинство исследователей утверждало, что шумеры создали цивилизацию Месопотамии, изобрели клинописное письмо, которое они передали вместе с другими элементами цивилизации семитам: вавилонянам и ассирийцам, пришедшим в Месопотамию после них. Меньшинство настаивало на том, что месопотамская цивилизация была создана семитским народом, а шумерские тексты были в действительности семитскими текстами, написанными *in a hieratic mode*.

Организатором и главой этого антишумерского движения был ведущий специалист Франции в области филологии Йозеф Галеви. Именно И. Галеви принадлежала теория о том, что шумерский язык, язык создателей клинописного письма, вовсе не был языком, а был просто более примитивным способом написания для аккадского языка.

И. Галеви утверждал, что все памятники месопотамской цивилизации были творением единой расы — семитской — и что ни географические названия Месопотамии, ни названия ее городов и народов не имеют ничего общего с шумерскими.

тами, ни свидетельства библейских и классических авторов, ни традиции самих ассирийцев и вавилонян не показывают присутствия каких-либо иных этнолингвистических групп помимо семитов в ранней Месопотамии. Названия Шумер и Аккад, по его мнению, отражали географическое или политическое разделение территории, но не этнолингвистическое. При отсутствии упоминаний о других этнолингвистических группах все институты ассирио-вавилонской цивилизации должны были пониматься как достижения семитов, в том числе и система клинописного письма (Соорег 1993).

В 1889 г. Фридрих Делич объявил о своем согласии с И. Галеви в первом издании своей аккадской грамматики (Delitzsch 1889), в его поддержку также склонялся и Ф. Тюрро-Данжен. В 1897 г. на международном конгрессе востоковедов в Париже ассириологов даже попросили проголосовать поднятием рук за или против шумеров. Против проголосовали только двое — Ф. Тюрро-Данжен и Я. Иеремиас (Соорег 1993).

Во многом такое заблуждение объяснялось тем, что основная масса месопотамских материалов, которые стали доступны для изучения в то время, когда И. Галеви выдвинул свою теорию, происходила из Ассирии 1 тыс. Шумерская проблема стала постепенно решаться только с 1884 г., когда начали появляться материалы 3 тыс. до н. э. с раскопок французской экспедиции в Телло. Впервые археологи раскапывали сам Шумер, но результаты появились не сразу. Однако количество ранних тек-

стов, найденных в Месопотамии, все увеличивалось, и их изучение достаточно быстро заставило и выдающихся сторонников И. Галеви отвергнуть его идеи (Delitzsch 1897, Thureau-Dangin 1907). Сам И. Галеви, тем не менее, вплоть до своей кончины в 1917 г. продолжал отстаивать свою позицию, публикуя огромное количество статей и монографий на эту тему.

Десятилетия напряженной работы археологов, лингвистов, историков, среди которых было немало выдающихся ученых, привели к тому, что постепенно были выявлены и исследованы основные этапы ранней истории Месопотамии (до конца 3 тыс. до н. э.) и выработан более или менее общепринятый взгляд на роль и место шумеров и аккадцев в истории Месопотамии и всего Древнего Ближнего Востока². В обобщающей работе Л. В. Кинга (King 1910) ранняя история Месопотамии рассматривалась как драматический конфликт между шумерами и семитами (аккадцами), в ходе которого шумеры были полностью истреблены.

Предположение о существовании «расового» конфликта между шумерами и аккадцами на несколько десятилетий стало ведущим в науке вплоть до выхода в 1939 г. статьи Т. Якобсена *Assumed Conflict Between Sumerians and Akkadians* (Jacobsen 1939). Выдающийся исследователь подошел к решению этого вопроса с чисто гуманистических позиций. Он доказывал, что нет никаких свидетельств существования этнических конфликтов между двумя древними народами, а исследователи,

настаивавшие на их существовании, находились под сильным влиянием современной им политической обстановки.

Предположение Т. Якобсена о сильном влиянии на исследователей окружавшей их идеологической атмосферы в определенной степени относилось и к нему самому. Многие ассириологи, затрагивавшие как и сам Т. Якобсен в своих трудах 30–60 годов XX в. проблему взаимоотношений двух древних народов, находились под сильным влиянием того отвращения, которое они испытывали к идеологии нацизма и его теории расового превосходства. Они полностью разделяли распространенные среди европейской интеллектуальной элиты того времени идеалистические настроения и надежду на то, что этнические разногласия можно решать мирными путями (Соорег 1999). Тезисы Т. Якобсена были поддержаны многими видными исследователями, и проблема казалась окончательно решенной.

На некоторое время тема взаимоотношений шумеров и аккадцев оказалась попросту закрытой, так как само обращение к ней, попытка выявить и исследовать различия между двумя древними народами, могло послужить поводом для обвинения в приверженности к последователям расовой теории. Лишь спустя десятилетия после выхода статьи Т. Якобсена стали появляться публикации, авторы которых решились вновь затронуть эту проблему.

Показательной в этом отношении была 9-я международная ассириологическая конференция (Женева,

1960), посвященная вопросам взаимовлияния шумерской и аккадской культур (Дьяконов, 1963). Тезис Т. Якобсена об отсутствии каких-либо расово-этнических различий между шумерами и аккадцами и конфликтов на этой почве никем не опровергался. Действительно, как отметил И. М. Дьяконов, в древних обществах «этническая общность, хотя объективно и существует, но либо вовсе не осознается, либо не играет политической роли», и таким образом тезис Т. Якобсена правилен *arguendi* и не может быть опровергнут (Дьяконов 1963, 174). Однако отсутствие расово-этнических конфликтов, по мнению многих выступавших, вовсе не означало полного отсутствия различий между этническими группами.

По мнению Д. О. Эдзарда, контакты между двумя древними народами, шумерами и аккадцами, начались с момента их появления в Двуречье, когда происходила совместная или одновременная колонизация долины Двуречья аккадцами и шумерами. Первые занимали север, а вторые юг Нижней Месопотамии. При этом аккадские политические традиции (централизованное государство под властью царя) отличались от шумерских (теократическое государство). Между двумя этносами происходили постоянные контакты и взаимное смешение, которое в конечном счете привело к аккадизации населения Месопотамии при ведущей роли шумерской культуры (Edzard 1960).

Д. О. Эдзарду первому принадлежала и гипотеза о том, что шумерскому теократическому государству был

чужд институт рабства, и само слово «раб» в применении к чужаку военнопленному было заимствовано шумерами из аккадского языка. Следуя за А. Фалькенштейном, он поддерживал и предположение о том, что шумеры, в отличие от аккадцев, не знали частной собственности на землю (Edzard, 1957, 9 п. 3).

Выдающийся ассириолог И. Гельб, выступая на конференции, заявил, что Т. Якобсен, смешивая «расу» с «этнотипом», «ломится в открытую дверь», упрекая ряд видных западных историков древности в расизме. Притом что в древней Месопотамии, безусловно, отсутствовал расовый антропологический антагонизм, говорить об отсутствии этнических конфликтов было бы неверно. С начала 3-го тысячелетия в Южной Месопотамии наблюдается наличие двух этносов: шумерского на юге и аккадского на севере. В середине 3-го тысячелетия началось оттеснение шумерского элемента и усиление аккадского. Начиная с периода Аккада (XXIV—XXIII вв. до н. э.) шумерский юг «должен был терпеть сильное проникновение аккадского влияния». Аккадское государство было деспотическим, тогда как шумерские государства таковыми не были. Аккадские цари вели двойственную политику, поддерживая древние шумерские культы и в то же время уничтожая шумерские города. Именно это, по мнению И. Гельба, являлось свидетельством существования «этнического конфликта», то есть конфликта между двумя народами, завоевателями и завоеванными, который имел политические корни и не привел к

этническому антагонизму между этими народами. Период III династии Ура исследователь считал временем шумерского ренессанса, а в старовавилонский период произошла «полная ассимиляция шумеров и аккадцев в один вавилонский этнос» (Дьяконов 1963, 174–178).

Предмет спора, касавшегося взаимоотношений двух древних народов, был, по-видимому, сформулирован недостаточно корректно; основные термины (раса, этнос) разными исследователями понимались по-разному. Само выражение «этнический конфликт», вызывало у поколения, пережившего Вторую мировую войну и все ужасы фашизма, совершенно определенные ассоциации, особенно если один из этносов, участвовавших в предполагаемом конфликте, был семитским, и не давало возможности достаточно объективно отнестись к предмету спора, уточнить понимание терминов и спокойно проследить логику доказательств. Тезис Т. Якобсена, о том, что шумеры и аккадцы различались только по языку, по-прежнему разделялся многими исследователями (Kraus 1970; Becker 1985).

К началу 60-х годов ранняя история Месопотамии и всего Древнего Ближнего Востока выстраивалась в достаточно ясную и последовательную схему: поскольку древнейшие памятники (и письменные и памятники материальной культуры), найденные здесь, принадлежали шумерам, шумерская цивилизация считалась древнейшей цивилизацией Ближнего Востока. Отсюда свет цивилизации распространялся по всему миру. Шумер,

окруженный со всех сторон кочевыми племенами семитов, культурно доминировал в Южной Месопотамии (=Вавилонии) и на огромных территориях к западу от нее, от Персидского залива до побережья Средиземного моря.

Эти взгляды, наиболее четко сформулированные С. Крамером, с чьим именем связывают возникновение школы «История Начинается в Шумере» (Kramer 1963), разделялись большинством исследователей того времени. Однако с начала 70-х годов теория «пан-шумеризма» постепенно начала терять свои позиции. Это было связано с рядом выдающихся археологических открытий, сделанных на огромной по протяженности территории от Северной Сирии до Ирана и берегов Персидского залива.

Они внесли существенные коррективы в представления о ранней истории этого региона, показали, что ситуация была во многом гораздо более сложной и многообразной, чем считалось ранее, и вызвали к жизни огромное количество работ по самым разным аспектам данной тематики³. Изменилось и понимание процесса развития Шумера, взаимоотношений Шумера и Аккада и той роли, которую Шумер и Аккад сыграли в истории Месопотамии и всего Древнего Ближнего Востока. Исследователи вплотную подошли к созданию новой парадигмы ранней истории Месопотамии.

Оказалось, что север и юг Вавилонии, по крайней мере уже в начале Раннединастического (далее РД) периода, представляли собой разные системы, которые в своем политическом и социально-экономическом разви-

тии шли совершенно разными путями. Не будет преувеличением сказать, что последующая история Месопотамии, по крайней мере, до 1500 г. до н. э. определялась различной природой этих двух систем.

Одним из первых заметил эти различия и начал их исследование выдающийся американский ассириолог И. Гельб. Еще в 1960 г. он опубликовал статью, в которой высказывал мнение о существовании в РД период так называемой «кишской традиции» (Kish Tradition), отдельной и от родственной ей аккадской, и от шумерской. Выводы автора основывались на исследовании аккадских царских надписей, текстов из Фары и шумерского Царского списка. Новые материалы, обнаруженные археологами в 70-х годах XX в., позволили И. Гельбу расширить и более твердо обосновать свою теорию.

Радикальные изменения в понимание исторических процессов, происходивших в 4–3 тыс. на территории Северной Сирии и Северной Месопотамии, и тех контактов, которые существовали в этот период между этими регионами и Шумером, внесло важнейшее археологическое открытие, сделанное при раскопках холма Телль Мардих в 55 км к югу от Алеппо (Северо-Западная Сирия). В начале 70-х годов XX в. раскопки итальянской археологической экспедиции обнаружили здесь древний город Эблу. В огромном дворце был найден архив, состоявший из 20 000 клинописных табличек, написанных на эблаитском языке и датируемых серединой 3 тыс. до н. э.

Это открытие полностью перевернуло старые представления о развитии этого региона в период ранней

древности: до этого считалось, что Сирия не имела письменности и достаточно развитого урбанизма по крайней мере до конца 3 тыс. Правда, на границе Сирии и Ирака были найдены статуи из Мари с шумерскими надписями, но эта находка была исключением. Город Мари, единственный сирийский город, включенный в шумерский Царский список, рассматривался как самый отдаленный северо-западный аванпост шумерской культуры.

Открытия археологов показали, что уже в середине 3 тыс до н. э. в Северной Сирии существовала письменность, развитая система государственного управления, налаженная межрегиональная торговля, которая находилась под контролем государства.

В связи с появлением новых данных исследователям пришлось в значительной степени пересмотреть установившиеся взгляды относительно взаимодействия двух главных этнолингвистических групп, населявших Месопотамию, — шумеров и семитов. Изучение памятников Эблы и эблаитского языка привело некоторых ученых к заключению, что эблаитский язык — самый древний из известных нам семитских языков, а мощная «Эблаитская империя» простирала свою политическую власть вплоть до Аккада, а культурное влияние вплоть до Абу Салабих.

Это предположение не учитывало многих уже известных тогда науке фактов: присутствия семитов в Южной Месопотамии уже в РД период (Biggs 1980), существования архаических кудурру и вотивных надписей

на семитском языке, сведений об исключительном политическом влиянии царей Киша в период РД и ряда других данных.

Над изучением языка и письменности Эблы много работал выдающийся ассириолог И. Гельб, который предложил свою гипотезу относительно политического и культурного развития территории Северной Сирии и Месопотамии в 4–3 тыс. до н. э. (Gelb 1981, 1992). По его мнению, почти одновременно с шумерской на севере возникла другая высокоразвитая цивилизация. Эту гипотетическую цивилизацию, которая, по мнению автора, занимала огромное пространство между Кишем и Абу Салабих на юге и Эблой и Мари на севере, И. Гельб предложил называть Kish Civilization (далее КЦ). Формирование этой цивилизации, по мнению автора, первоначально происходило вокруг Киша, а в РД период ее влияние распространились до Эблы. КЦ понималось автором как некое культурное единство, «в широком смысле семитская культурная территория в противоположность в данном случае шумерской культурной территории».

И. Гельб рассматривал КЦ в трех аспектах: этнолингвистическом, политическом и культурном. Он предполагал, что в РД период на территории вокруг города Киша существовала локальная лингвистическая общность, которая могла быть отличной и отдельной от староаккадского языка саргоновского периода и от языка Эблы-Мари. Называя этот ранний язык северной Вавилонии «кишитским», автор высказал предположение, что ро-

диной аккадцев, которые при Саргоне основали новую династию в Вавилонии, был не Аккад, но территория к северу от собственно Вавилонии, ограниченная Тигром, Верхним Забом, горами и районом Диялы.

По мнению автора, нельзя говорить об унифицированном политическом контроле над всей территорией КЦ. Цари Киша правили в Кише и на окружавшей его территории, цари Эблы — в Эбле, а Мари периодически было либо независимым, либо под контролем Киша или Эблы. Позднее И. Гельб дополнил свои исследования в этой области подробным изучением памятников Мари, что привело его к выводу, что «Mari played the role of the catalyst and transmitter of the Kish civilization from its homeland in northern Babylonia to Ebla in northern Syria» (Gelb 1992).

Теория И. Гельба была принята многими исследователями. По мнению С. Парполы, «археологические свидетельства сделали совершенно очевидным тот факт, что в РД период территория Верхней Месопотамии находилась под контролем политической силы, которую можно сравнить с Аккадской династией, появившейся позднее. Подъем этой империи, которую совершенно очевидно можно отождествить с 1-й династией Киша шумерского царского списка, совпадает с периодом исключительно благоприятных климатических условий, который наступил в Нижней Месопотамии в начале 3 тыс. до н. э. Относительно организации этой империи и о причинах ее исчезновения неизвестно ничего опре-

деленного. Во всяком случае, она существовала достаточно долго, чтобы распространить свой язык, письменную систему, культуру и административные институты на всю территорию, находившуюся под ее контролем» (S. Parpola, HSAO, 2, p. 295).

П. Стайнкеллер, указывая, что И. Гельб разработал свою теорию, основываясь на данных языка, письменности и культуры, привел в ее поддержку аргументы исторического характера (Steinkeller 1993). В исследовании, посвященном истории Месопотамии в 3 тыс. до н. э. (до Саргона), П. Стайнкеллер высказал мнение, что развитие Месопотамии в 3 тыс. определялось процессом взаимодействия двух различных традиций: южной (шумерской) и северной (сирийской). Северная Вавилония была тем регионом, где две эти традиции сталкивались вплотную; котлом, в котором варились религиозные, культурные, художественные традиции, поднимавшиеся на север из Шумера и опускавшиеся на юг из Сирии.

Именно П. Стайнкеллер, ученик И. Гельба, первым подробно описал социальные и политические различия между двумя обществами (шумерским и аккадским), сосуществовавшими в 3 тыс. до н. э. в Южной Месопотамии (Steinkeller 1993). О том, что развитие Севера (Аккада) и Юга (Шумера) шло разными путями, неоднократно упоминают в своих публикациях и другие авторитетные исследователи (Nissen 1993; Renger 1995; Westenholz 1993; Zarins 1990). Картина становления ме-

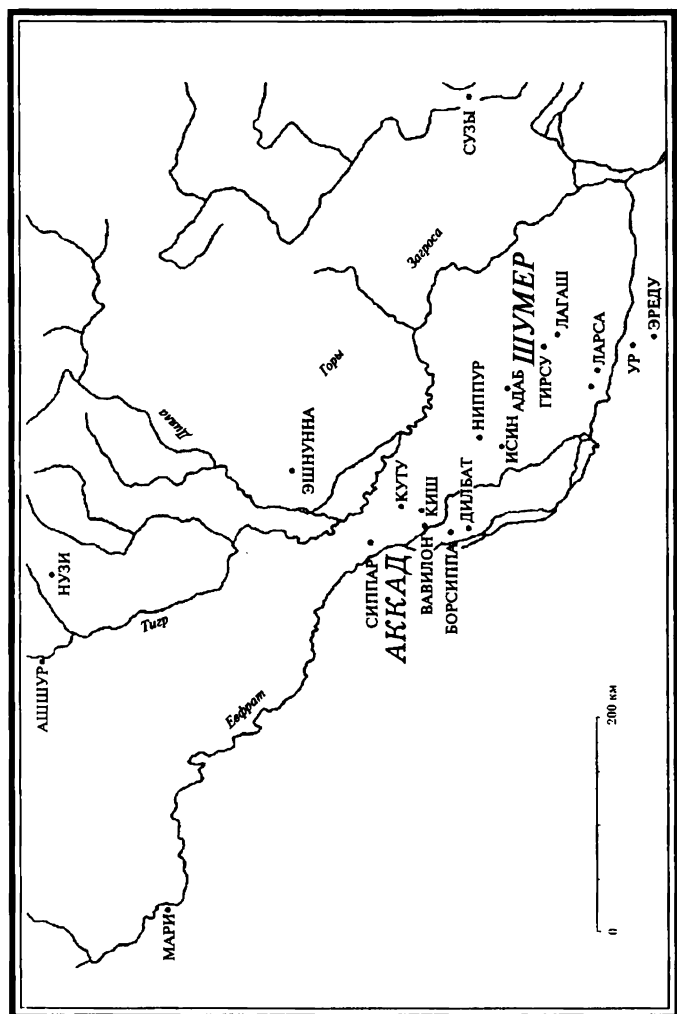
сопотамской цивилизации в свете этих работ представляется следующей.

Шумеры поселились в Южной Месопотамии примерно в середине 5 тыс. до н. э. Аккадцы в 4-м тысячелетии до н. э. пришли в Северную Месопотамию откуда-то с запада и постепенно продвигались на юг, так что к началу 3-го тысячелетия до н. э. они стали соседями шумеров.

Шумер (Юг). Шумер впервые предстает перед нами во второй половине 4-го тысячелетия как союз городов-государств, объединенных единой идеологией и определенной хозяйственной общностью. Эта была, вероятно, хорошо сбалансированная и внутренне устойчивая система. Каждый отдельный город-государство представлял собой сложную структуру, состоявшую из больших и малых самоснабжающихся хозяйств, в центре каждого из которых находился храм. В рамках этих храмовых хозяйств были заключены все территориальные, материальные и людские ресурсы каждого города (Steinkeller 1993).

Одной из организующих основ этой структуры было, вероятно, представление шумеров о божестве как хозяине определенной территории. Шумерский город, сосредоточенный вокруг храмового комплекса, был *Домом* главного городского бога и его божественного семейства, а все население города составляло персонал этого *Дома*.

Границы каждого города-государства (то есть границы владений городского бога) считались установлен-

Древняя Месопотамия

ными и санкционированными богами, и поэтому любая попытка территориальной экспансии была, по существу, нарушением божественной воли и вследствие этого была достаточно затруднительна. В рамках такой идеологии теоретически немыслимой была бы идея унификации, создания единого территориального государства с централизованным управлением (Steinkeller 1993, 116 сл.).

Земледелие, скотоводство, а также ремесленное производство велись в рамках городских храмовых общин коллективно. Производимые продукты централизованно собирались, хранились и затем различными способами распределялись между членами этих хозяйств. Экономике такого типа, следуя теории Карла Поляни, можно назвать по преимуществу распределительной.

Общество, таким образом организованное и структурированное, не нуждалось в наличии или развитии индивидуального производства, будь то в сельском хозяйстве или в ремесле, и оставляло мало возможностей для возникновения и существования такого рода производства. Соответственно и индивидуальное владение землей являлось фактором чуждым данной системе и в плане социально-экономическом, и в плане идеологическом (Steinkeller 1993, 122).

Общество носило отчетливо эгалитарный характер, и стратификация населения была основана скорее на ресурсах, связанных с занимаемой должностью, чем на происхождении. Все горожане составляли персонал того или иного храмового хозяйства, и все они, независимо

от пола, возраста и количества выполняемого труда, могли рассчитывать на материальное содержание от храма. Характер этого содержания, по количеству и качеству, безусловно, зависел от положения того или иного лица в должностной иерархии, но не мог быть ниже необходимого прожиточного минимума.

Семья в обществе, где заботы о всех членах хозяйства независимо от пола и возраста несет некая административная структура, как экономический институт не играет значительной роли; дети в основном связаны с матерью.

Каким образом осуществлялось взаимодействие отдельных элементов и структур данного общества, каковы были институты власти? Важную роль в создании властных структур играл, по-видимому, один из фундаментальных принципов шумерской цивилизации (и типологически сходных архаических цивилизаций) — принцип очередности (*bala*). Все общество, вероятно, делилось на несколько равноправных групп, представители которых поочередно занимали главные должности в иерархической структуре. Можно предположить, что членство в группе было связано с принадлежностью к персоналу определенного божества (= храму). Каждая группа объединяла в себе, вероятно, представителей всех ступеней иерархии, от низших до высших (Stone 1999).

Во главе каждого города-государства стоял правитель, который совмещал культовые и административные обязанности, тем более что в системах такого рода то и

другое тесно взаимосвязано. Он был как бы земным представителем божества в его земном Доме и избирался на эту должность самим божеством на определенный срок, после истечения которого наступала, во всяком случае теоретически, очередь другого избранника, вероятно, представителя другой общественной группы. Принцип очередности действовал, по-видимому, на всех уровнях и во всех хозяйственных сферах общества.

Выработанная шумерами модель общественного устройства отличалась большой стабильностью, но была исключительно статична. Все идеологические, социальные и хозяйственные институты в рамках такой модели составляли неразделимое единство и не имели реальных возможностей для существенного изменения и развития.

Единая в культурно-идеологическом, социальном и хозяйственном аспектах система шумерских городов просуществовала, то в виде некой конфедерации, то в сильно централизованном виде, до конца 3-го тысячелетия до н. э., когда было окончательно разрушено последнее объединение шумерских городов — государство 3-й династии Ура. Однако внутренняя структура шумерской системы, по-видимому, стала постепенно размываться и терять свою исходную целостность еще с начала 3-го тысячелетия до н. э.

К концу 3-го тысячелетия до н. э. шумерский язык вышел из живого обращения и превратился исключительно в язык культа и литературы, а сами шумеры как

этнос практически исчезли. Подавляющую массу населения Южной Месопотамии к этому времени составляли носители совершенно другой по своим фундаментальным установкам и по своей динамике культурно-исторической системы — аккадцы и родственные им амореи.

Аккад (Север). Север никогда не создал ничего похожего на систему независимых городов, которая существовала на Юге. Государственность возникла здесь, по-видимому, на основе родоплеменных структур. Политические институты Севера очень рано приняли централизованную форму. Предполагается, что сильная, авторитарная политическая структура объединяла всю территорию Верхней Месопотамии уже в начале 3-го тысячелетия до н. э. Ее расцвет некоторые исследователи связывают с 1-й династией Киша, упоминаемой в шумерском Царском списке как первая послепотопная династия (Gelb 1987, 1992).

Основной хозяйственной единицей Севера было индивидуальное хозяйство отдельной семьи, входившее составной частью в хозяйство родовой общины, в свою очередь являвшейся составной частью общего хозяйства племени. Патриархальная семья и принцип наследования (имущества, социального статуса и т. п.) являлись определяющими элементами общественной структуры Севера. Принадлежность к тому или иному племени, роду, семье лежала и в основе сильной социальной стратификации, существовавшей в обществе.

Правящую верхушку составляла родовая аристократия во главе с царем. Именно эта группа контролировала большую часть материальных и людских ресурсов. Главным собственником земли был царь и члены его рода, а также представители родовой аристократии. Большую часть экономической сферы составляли царское хозяйство и крупные частные хозяйства родовой знати. Храмовые хозяйства не играли значительной роли в экономике. Городов было значительно меньше, чем на Юге, и они выполняли другую функцию, являясь местом пребывания родовой олигархии и царя, откуда власть осуществляла свой контроль над обществом.

На Севере, где важную роль играл частный сектор, очень рано, по-видимому, возникли такие институты, как частная собственность на землю, долговое рабство и клиента. Шумерские слова «раб» и «клиент» — оба, вероятно, заимствования из аккадского. Очевидное объяснение этому: сходные институты изначально отсутствовали в раннем обществе Юга, но в какой-то момент под влиянием северных соседей были заимствованы и сами эти институты, и термины для их обозначения (Edzard 1957; Steinkeller 1993).

В работах многих шумерологов, посвященных отдельным специальным проблемам ранней истории Месопотамии, содержатся и некоторые предположения о причинах различий в социальном и общественном устройстве Шумера и Аккада.

Одни исследователи связывают различия экономических и социальных систем Севера и Юга с характерными различиями в религиозных концепциях шумеров и аккадцев. Считается, что главным в шумерской религиозной концепции было представление о том, что «нет земли без бога». Главный бог каждого города воспринимался как владелец всей земли этого города, а сам город — как хозяйство (Дом) божества, персоналом которого были горожане.

В религиозной концепции аккадцев на первом плане, по-видимому, стояли астральные божества, не связанные четко с каким-либо определенным местом на земле, что, по мнению исследователей, отражало религиозные представления, зародившиеся в период далекого кочевого прошлого. Даже после оседания на аллювиальной равнине и перехода к земледелию аккадцы, кажется, сохранили некоторые фундаментальные черты своей изначальной организации. В отличие от шумеров, для аккадцев было не столь важно прикрепление божества к определенной местности, результатом чего была и их меньшая заинтересованность в строительстве храмов и создании храмовых экономических структур (Renger 1995, 283).

Другой вариант ответа на вопрос о причинах различия общественного устройства двух народов предложил А. Вестенхольц. По его мнению, Шумер и Аккад были разными культурными системами, поскольку два древних народа обладали «различной ментальностью», что прояв-

ляло себя во всех аспектах общественной и духовной жизни (Westenholz 1993, 160). Мнение о врожденной приверженности аккадцев идеям централизма разделяется и некоторыми другими ассириологами (Kienast 1973). Противопоставление А. Вестенхольцем «миролюбивых и законопослушных» шумеров «воинственным и своевольным аккадцам» подверглось острой критике (Nissen 1993, 88, п. 17). Однако с тезисом о «двух разных культурных системах» нельзя не согласиться, хотя предположение о том, что именно ментальность определяла характер той и другой системы, представляется неточным. Скорее то, что многие называют «ментальностью», является частью системы, которую нельзя отделить от нее самой и рассматривать как фактор, генерирующий систему.

Для других исследователей причины различного развития населения Юга и Севера крылись в экологических или геоморфологических особенностях этих регионов. Юг — как ограниченная по площади территория, пригодная, в основном, для интенсивного земледелия. Север — как гораздо более обширная территория, на которой одновременно одинаково хорошо развивались два взаимосвязанных типа хозяйства: естественно орошаемое земледелие и скотоводство (Nissen 1988, Ch. 3; Zarins 1990).

В публикации 1999 г. П. Стайнкеллер более подробно остановился на причинах различий двух регионов (Steinkeller 1999). По его мнению, в основе этих различий лежали как экологические, так и исторические, ре-

лигиозные и культурные факторы. Причем исторические корни южной системы, по мнению автора, уходят в убейдский период, а северной — в отдаленное полукочевое прошлое предков аккадцев с его племенной системой и властью вождей.

Последняя точка зрения представляется наиболее близкой к истине, хотя, вероятно, не исчерпывающей проблему. Окончательный ответ на вопрос о причинах различий не дает, по-видимому, ни одна из высказанных точек зрения. Возможно, мы никогда и не получим исчерпывающий ответ на этот вопрос, который затрагивает фундаментальные проблемы ранней истории человечества, тем не менее рискнем предложить еще одно соображение по этому поводу.

Представляется, что единой отправной точкой, которая способна генерировать новую общую парадигму⁴ и согласовать все дошедшие до нас противоречивые факты и свидетельства ранней истории Месопотамии, может стать уже высказывавшееся многими исследователями предположение, что Шумер и Аккад — это две совершенно разные по типу и по принципиальным фундаментальным установкам культурно-исторические системы, взаимодействие и взаимовлияние которых и создало месопотамскую цивилизацию, соединившую в себе целый ряд элементов обеих систем.

Два древних народа, шумеры и аккадцы, изначально, как отмечает П. Стайнкеллер, шли в своем развитии разными путями. Возможно, эти два пути можно сопо-

ставить с существующей в современной исторической науке гипотезе о двух путях перехода человеческих сообществ от первобытности к государственности, связанных с существованием в первобытный период двух вариантов устройства человеческих сообществ: эгалитарных коллективов и коллективов, устроенных по принципу иерархии. Условно эти два пути можно обозначить как организационно-управленческий и военно-аристократический (Массон 1989), хотя эта терминология, конечно, оставляет желать лучшего.

Ранняя история Месопотамии, возможно, единственный доступный историкам для изучения пример взаимодействия и взаимовлияния двух разных культурно-исторических систем, постепенно складывавшихся в одну. Нигде более в исторический период эти два варианта перехода человечества к государственности не встречаются, по-видимому, в столь «чистом» виде как здесь. Шумер (= Юг) предстает как вариант организационно-управленческой модели и Аккад (= Север) — вариант военно-аристократической модели.

Все вышесказанное относительно шумерской и аккадской модели архаических общественных систем можно свести к следующим основным характеристикам.

Шумерская модель (Юг) — организационно-управленческий вариант:

- государственность, возникающая на основе эгалитарных коллективных структур, о которых нам пока почти ничего не известно;

- самостоятельные города (городские общины) как основной элемент политической структуры, единство культовых и административных структур, очередность как важнейший принцип перехода власти от одной группы городского населения к другой;
- храмовые хозяйства как основной элемент экономической структуры; распределительный характер экономики: коллективное ведение хозяйства, централизованный сбор и распределение продукции; незначительная роль семьи как экономического института;
- эгалитарный характер общества, отсутствие резкой социальной дифференциации; дети, пока не вырастут, тесно связаны с матерями и часто называются по имени матери.

Аккадская модель (Север) — военно-аристократический вариант:

- государственность возникает на основе родо-племенных структур,
- территориальные государства с централизованной властью, царь и родовая элита как ведущие политические силы в обществе;
- хозяйства царя и родовой знати как ведущая сфера экономики, незначительная экономическая роль храмовых хозяйств, существование института частной собственности на землю, возникновение и развитие отдельных элементов рыночных отношений, исключительно важная роль семьи как независимо-

- го экономического института: глава семьи (патриарх) сам отвечает за благосостояние всех ее членов;
- социальная стратификация по признаку происхождения и родственных связей; дети носят имя отца, и отцы заинтересованы, чтобы дети были их собственными, поэтому в таком обществе важными являются проблемы девственности невесты и верности жен.

Все эти характеристики относятся, разумеется, к исходным вариантам моделей, которые мы находим уже сложившимися и прошедшими определенный путь в конце 4-го тысячелетия до н. э. на Юге и несколько позднее на Севере. В «чистом» виде эти модели, если и существовали, то очень недолго. Так же как недолго в «чистом» виде существует тот или иной этнос; только до соприкосновения с другими этносами. Взаимодействие двух культурно-исторических систем уже к середине 3-го тысячелетия до н. э. привело к их значительным изменениям. Это можно определенно сказать в отношении Шумера, об Аккаде этого времени слишком мало известно⁶.

Тем не менее целый ряд изначальных характеристик шумерской модели сохранились в шумеро-аккадском обществе второй половины 3-го тысячелетия до н. э. (Westenholz 1993, 168–169), а позднее, когда шумеры как этнос исчезли, многие элементы шумерской системы составили неотъемлемую часть новой культурно-исторической общности, которую мы называем месопотамской цивилизацией. Вопрос о том, почему каждый

и двух народов пошел по своему пути, все равно остается открытым. При этом этническое своеобразие не могло, вероятно, играть какую-либо существенную роль в определении выбора и становлении каждой из этих двух систем, будучи во многом результатом этого процесса.

Примечания

- ¹ Г. Раулинсон и Ю. Опперт, первыми взявшиеся за изучение древнего языка, сначала отнесли его к группе «скифских», под которыми в то время понимали языки урало-алтайской группы. Однако вскоре предпочтение отдали термину «туранский» и стали сравнивать неизвестный язык с турецким, финским, венгерским и другими языками, которые, по мнению исследователей того времени, входили в группу «туранских». В то время как уже дешифрованный аккадский язык называли ассирийским, вновь открытую клинописную письменность сначала называли аккадской. Первым термин «шумерский» предложил Ю. Опперт, доказав свое предположение в 1889 г. (Соорег 1993).
- ² Этот процесс сопровождался ожесточенными научными спорами, в ходе которых дискутировались самые разные аспекты шумерской проблемы. Перечислим только основные темы:
 - существовали ли вообще шумеры и шумерский язык. Некоторые европейские гуманитарии конца XIX — начала XX века поспешили причислить шумеров к

предкам арийцев, пытаясь доказать, что именно арийцы, предки европейцев, а не семиты, были основателями древнейшей цивилизации человечества (Ф. Ленорман, Ю. Опперт, Э. Шредер). Другие (И. Галеви) в пику им утверждали, что шумеров как народа вообще никогда не существовало, а шумерский язык был сакральным вариантом аккадского, настаивая на том, что месопотамская цивилизация была создана семитским населением Двуречья. Как серьезный аргумент в пользу этой теории рассматривался факт отсутствия в древних текстах свидетельств о конфликтах между шумерами и аккадцами, поскольку в то время европейские исследователи не могли, по-видимому, представить себе мирное сосуществование двух этнических групп. Контакт понимался только в терминах завоевания, а завоеватели (аккадцы) никогда бы не заимствовали язык у завоеванных ими шумеров и не стали использовать его на протяжении тысяч лет в культовых целях (Соорег 1993);

- каким было устройство шумерского города-государства и какую роль занимало в нем храмовое хозяйство, то есть играло ли храмовое хозяйство ведущую роль в экономике древнего Шумера, владея основной частью сельскохозяйственных территорий (точка зрения А. Даймеля, поддержанная позднее А. Фалькенштейном, в отечественной науке принятая В. В. Струве), или же храмы представля-

ли только небольшую часть экономической сферы, владея только частью пахотных земель, а остальные земли находились в распоряжении независимых территориальных общин (И. Гельб, И. М. Дьяконов);

- существовала ли в этом обществе частная собственность на землю (противниками этой точки зрения были А. Даймель, А. Фалькенштейн, Д. Эдцард);
- какой была социальная структура шумерского общества, каков был социальный статус рабочего населения Шумера: были ли эти люди рабами (В. В. Струве) или представителями зависимого населения (И. Гельб, И. М. Дьяконов).

В этих дискуссиях, темы которых, казалось, были столь далеки от современности, отразилась ожесточенная идеологическая борьба, которая шла в мире, и в стороне от которой не могли, хотели они того или нет, остаться историки, занимавшиеся изучением древнейших цивилизаций, будь то наши отечественные исследователи или зарубежные ученые. На примере развития науки о Древней Месопотамии можно изучать историю развития основных идеологических течений в XIX и XX вв. нашего времени.

- ³ Среди множества открытий последних пятидесяти лет в области археологии Древнего Ближнего Востока можно выделить три наиболее выдающихся по своему значению. Эти три взаимосвязанных открытия значительно обогатили наш взгляд на раннюю историю этого региона.

Первыми надо упомянуть работы американской исследовательницы Дениз Шмандт-Бессерат, в результате которых наука впервые узнала о системе хранения и передачи информации, которая существовала на всей территории Древнего Ближнего Востока задолго до возникновения письменности у шумеров. Эта система представляла собой набор небольших глиняных значков-токенов (1–3 см в диаметре), каждый из которых мог, вероятно, означать определенное количество некоторых предметов: голов скота, горшков масла и т. п.

Предположение Д. Шмандт-Бессерат о том, что обнаруженная ею система передачи информации непосредственно развилась в клинопись, не оказалось полностью убедительно доказанным, тем не менее очевидно, что распространение этой системы сыграло важнейшую роль в процессе возникновения письма. Открытие Д. Шмандт-Бессерат позволило по-новому осветить процесс возникновения письменности, показать, что истоки письма не ограничивались собственно Месопотамией, а изобретение письма в Шумере произошло не на пустом месте, но явилось кульминацией длительного процесса развития отметок (заметок) на глине, происходившего на всей территории Древнего Ближнего Востока.

Вторым важным прорывом в изучении ранней истории Древнего Ближнего Востока и роли в ней Шумера явились археологические открытия в Северной Сирии, которые заставили переосмыслить и целый ряд самых ранних археологических материалов из других районов

Ближнего Востока. Оказалось, что во многих местах Северной Сирии, Северной Месопотамии, Юго-Западного Ирана в середине 4 тыс. возникли новые поселения, по своему археологическому ансамблю полностью повторявшие материалы того же времени из Шумера (культура Урук). Некоторые исследователи даже называли эти поселения шумерскими колониями.

Этот «шумерообразный» ансамбль исчез на периферии Шумера достаточно внезапно к концу 4 тыс., когда в самом Шумере уже была создана письменность и шумерский урбанизм достиг своего расцвета (Algaze 1993). Это важнейшее открытие внесло радикальные изменения в наше понимание исторических процессов, происходивших в 4 тыс. до н. э. на территории Северной Сирии и Северной Месопотамии, и тех контактов, которые существовали в этот период между этими регионами и Шумером.

Третье важнейшее археологическое открытие этого времени — открытие древней Эблы (см. выше в тексте).

- ⁴ При этом речь идет не о кардинальном пересмотре старых точек зрения и полном отказе от старой теории, но о попытке более четко распределить старый и вновь появившийся материал в историческом времени и пространстве, попытке «развести» оппонентов в спорах, найти аргументам каждой из сторон свою историческую нишу. Можно вспомнить в связи с этим высказывание выдающегося ассириолога Ф. Р. Крауса, который еще в 1951 г. предостерегал от опасности, возникающей в ре-

зультате синтезирования разнообразных свидетельств, происходящих из разных районов и, может быть, от разных веков (добавим, из разных культурных систем), и создания на их основе по видимости связной картины, которая могла бы, по представлениям ее создателей, претендовать на воспроизведение «истории» (Краус 1951).

- ⁵ Типологически немного похожий на то, что в терминах середины XX в. И. М. Дьяконов называл «материнской родовой организацией с ее уравнительным распределением», правда, Игорь Михайлович считал, что Древнему Востоку такие организации «практически неизвестны», поскольку, по его мнению, они исчезли задолго до начала этого исторического периода (Дьяконов 1963-1, 24).
- ⁶ О том, что новации приживались непросто и негативно воспринимались общественным сознанием, можно судить на примере изменений, происходивших в это время во властных структурах Шумера. В период РД 3, когда между городами Шумера началась борьба за гегемонию, многие городские правители, чтобы подчеркнуть свою силу и превосходство над соседями, стали присваивать себе титул лугаль (буквально «человек большой»). Ранее этим словом обозначали должностное лицо, возглавлявшее на время военной ситуации городское ополчение. Теперь слово лугаль стало эквивалентом аккадского слова шаррум, «царь». Изменилась, конечно, не только титулатура, но и сама политика городских правителей, самые сильные из которых стремились подчинить себе соседей. Наибольших успехов в этом отношении добился в

конце XXIV в. до н. э. правитель города Уммы Лугальзаггеси, который сумел объединить под своей властью почти все южные города Шумера и стал именовать себя «царем Страны». В своих надписях, однако, Лугальзаггеси сообщает не о завоевании городов, а о том, что в каждом из этих городов местное жречество выбрало его главным жрецом городского бога. Таким образом, это объединение представляло собой, по существу, «конфедерацию номов под личной унией общего верховного жреца» (Дьяконов 1983, 212).

Литература

- Дьяконов 1963 — Дьяконов И. М. Этнический и социальный факторы в истории древнего мира (на материале Шумера) // Вестник Древней Истории. 1963. № 2. С. 167–179.
- Дьяконов 1983 — Дьяконов И. М. История Древнего Востока. Часть 1. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. М., 1983.
- Массон 1989 — Массон В. М. Первые цивилизации. М., 1989.
- Algaze 1993 — Algaze G. The Uruk World System. The Dynamics of Expansion of Early Mesopotamian Civilization. Chicago, 1993.
- Becker 1985 — Becker A. Neusumerische Renaissances? Wissenschafts-geschichtliche Untersuchungen zur Philologie und Archäologie. Baghdader Mitteilungen 16. Berlin, 1985. S. 229–316.

- Cooper 1973 — Cooper J. S. Sumerian and Akkadian in Sumer and Akkad // *Orientalia* n. s. 42. Roma, 1973. P. 229–316.
- Cooper 1993 — Cooper J. S. Sumerian and Aryan // *Revue de l'Histoire des Religions* ccx-2. Paris, 1993. P. 169–205.
- Delitzsch 1889 — Delitzsch F. *Assyrische Grammatik*. Berlin.
- Delitzsch 1897 — Delitzsch F. *Die Entstehung des ältesten Schriftsystems oder der Ursprung der Keilschriftzeichen*. Leipzig.
- Edzard 1957 — Edzard D. O. *Die 'Zweite Zwischenzeit' Babyloniens*. Wiesbaden, 1957.
- Edzard 1960 — Edzard D. O. Sumerer und Semiten in der frühen Geschichte Mesopotamiens // *IX-e Rencontre Assyriologique Internationale*. Genève, 20–23 juin 1960. *Aspects du contact sumero-akkadien*. Genava, n. s., III, pp. 242–248. Genève.
- Falkenstein 1974 — Falkenstein A. *The Sumerian Temple City* // *Monographs on the Ancient Near East* 1/1. Los Angeles, 1974.
- Gelb 1981 — Gelb I. J. *Ebla and the Kish Civilization* // *La Lingua di Ebla*. Ed. L. Cagni. Naples, 1981. P. 9–73.
- Gelb 1992 — Gelb I. J. *Mari and Kish Civilization* // *Man in Retrospect*. Ed. G. D. Young. Winona Lake, 1992. P. 121–202.
- Hallo 1971 — Hallo W., Simpson W. *The Ancient Near East*. New York, 1971.
- Jacobsen 1939 — Jacobsen T. *Assumed Conflict Between Sumerians and Semites in Early Mesopotamian History* // *Journal of American Oriental Society*. New York, 1939. № 59. P. 485–495.
- Kienast 1973 — Kienast B. *Der Weg zur Einheit Babyloniens unter staatsrechtlichen Aspekten*. *Or NS* 42. S. 489–501

- King 1910 — King L. W. A History of Sumer and Akkad. London, 1910.
- Kramer 1963 — Kramer S. N. The Sumerians. Chicago, 1963.
- Kraus 1951 — Kraus F. R. Nippur und Isin nach altbabylonischen Rechtsurkunden // Journal of Cuneiform Studies 3/1 1951. New Haven-Philadelphia, 1951.
- Kraus 1970 — Kraus F. R. Sumerer und Akkader. Ein Problem der altmesopotamischen Geschichte. Amsterdam, 1970.
- Landsberger 1974 — Landsberger B. Three Essays on the Sumerians // Monographs on the Ancient Near East $1\frac{1}{2}$. Los Angeles, 1974.
- Nissen 1988 — Nissen H. J. The Early History of the Ancient Near East. 9000–2000 B.C. Chicago, 1988.
- Nissen 1993 — Nissen H. J. Settlement Patterns and Material Culture of the Akkadian Period: Continuity and Discontinuity // Akkad. The First World Empire: Structure, Ideology, Traditions / Ed. M. Liverani // History of the Ancient Near East. Studies 5. Padua, 1993. P. 91–106.
- Renger 1995 — Renger J. M. Institutional, Communal and Individual Ownership or Possession of Arable Land in Ancient Mesopotamia from the End of the Fourth to the End of the First Millennium B. C. // Law Review. Berlin, 1995. V. 71. № 5. P. 269–319.
- Steinkeller 1993 — Steinkeller P. Early Political Development in Mesopotamia and the Origin of Sargonic Empire // Akkad. The First World Empire: Structure, Ideology, Traditions. Ed. M. Liverani // History of the Ancient Near East. Studies 5. Padua, 1993. P. 107–130.

- Steinkeller 1999 — Steinkeller P. Land Tenure Conditions in Third Millennium Babylonia. In: Urbanization and Land Ownership in the Ancient Near East. Ed. M. Hadson, B. Levine. Cambridge USA
- Stone 1999 — Stone C. S. The Constraints on State and Urban Form in Ancient Mesopotamia // Urbanization and Land Ownership in the Ancient Near East. Ed. M. Hadson, B. Levine. Cambridge USA
- Thureau-Dangin 1907 — Thureau-Dangin F. Die sumerischen und akkadischen Königsinschriften. Leipzig
- Zarins 1990 — Zarins J. Early Pastoral Nomadism and the Settlement of Lower Mesopotamia // Bulletin of the American Schools of Oriental Research 280. New Haven, 1990. P. 31–65.
- Westenholz 1993 — Westenholz A. The World View of Sargonic Officials. Differences in Mentality Between Sumerians and Akkadians // Akkad. The First World Empire: Structure. Ideology, Traditions. Ed. M. Liverani // History of the Ancient Near East. Studies 5. Padua, 1993. P. 157–170.

Nelly Kozyreva

SUMER AND AKKAD AS TWO MODELS OF ARCHAIC SOCIETIES

The opinion that the South (Sumer) and the North (Akkad) of Lower Mesopotamia went different ways of development in 3d millennium B. C. was firstly argued by I. J. Gelb on the evidence of writing, language and culture (Gelb 1981, 1992). P. Steinkeller was the first to show the differences between two societies in details on the evidence of historical data (Steinkeller 1993). Some suggestions were expressed about the roots of such differences: ecology (Nissen 1988), religion (Renger 1995), mentality (Westenholz 1993). Later P. Steinkeller suggested «this variations is explained primarily by the ecology of the Mesopotamian plain. Additionally, factors of history, religion and culture also were clearly at work». As he argued the roots of the southern system one finds at the beginning of the 4 millennium when sedentary population of agriculturalists lived there in villages or rural communities. The roots of northern system went back to a «semi-nomadic reality, characterized by the presence of a tribal organization, with the sheikh being a dominant political figure» (Steinkeller 1999).

This point of view seems to be close to truth. It is quite possible however that these roots extend in such a distant past that they would never be found. Nevertheless some proposes may be suggested.

Two types of societies coexisted in South Mesopotamia in 3 millennium B.C. probably corresponded to two different variants of ancient communities which passed from prehistory to state institutions: the first based on the principle of hierarchy and the second on the principle of egaliterity. It is very difficult to find exact term to name these two types, conventionally they may be named as military-aristocracy (Akkad) and civil-administrative (Sumer). Ethnic characteristic features — language, traditions or mentality — were the compound parts of each model but not their basic elements.

The first model. Transition to state (territorial centralized states) through clan-tribal structures. The power — political and economic — was concentrated in the hands of the king and nobility. The institute of private property was highly developed and the possibilities existed for development of market economy. The social stratification was high and founded on origin and inheritance. The system with the so-called patriarchal relations where biological and social aspects of man or femine existence were completely combined and indivisible: certain roles were predestined for certain sex. The family as an enterprise to raise the next generation was an independent economic structure and the head of the family (husband, father, patriarch) had to take care of all the members of the family and supply them with necessary for life. The children bore their father's name.

The second model. Transition to state (city-state) through egalitarian communal structures. Society consisted of some equal groups and the power passed from one group to another according the principle of rotation (bala). Temple estates were

the centers of economic and administrative organization, and institutions of common production and distribution were prevailing. The role of the family as an economic institute was insignificant because the communal structure took care at least formally about all the members of the society regardless of sex and age. Children till maturity were connected with mothers, and usually bore their mother's name.

It must be taken into account that these models could not exist long in their pure condition. The structural changes began to appear as soon as one model met with the other. The earliest history of Mesopotamia perhaps presents the unique instance of coexisting of two such models, gradually developing into one, that we call Mesopotamian civilization.